

Н. Я. ПОЛОВОЙ

Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков

Среди источников о первом походе Игоря на греков в 941 г. наибольший интерес представляют русские и византийские памятники. Византийские источники о походе 941 г., заключенные в Хронике Амартола и в Житии Василия Нового, были широко распространены в древней Руси и сыграли большую роль в формировании русских памятников об этом походе.

Русские источники о походе 941 г. частью дословно, частью в пересказе повторяют Хронику Амартола и Житие Василия Нового. Однако на этом чисто внешнем сходстве и кончается зависимость русских источников от византийских в обрисовке похода 941 г.

Внутреннее содержание русских памятников не только глубоко противоречит внутреннему содержанию византийских, но, как мы в этом убеждаемся, подчиняет последнее первому.

После исследований А. Н. Веселовского, С. Г. Вилинского, В. М. Истрина, А. А. Шахматова, Д. С. Лихачева и других стало очевидным, что русские источники в обрисовке событий 941 г. восходят, с одной стороны, к древнерусским переводам Хроники Амартола и Жития Василия Нового, а с другой — к русскому народному преданию об этом походе.

Естественно поставить вопрос о взаимоотношениях русских народных преданий и византийских источников в формировании русских памятников о первом походе Игоря. Целью данной статьи является выяснить, были ли подчинены русские предания греческим источникам, следовали ли им в обрисовке картины похода 941 г., дополняли ли всего-навсего они греческие повествования, или, напротив, русские источники отстаивали свою точку зрения на этот поход, а византийские источники были подчинены русским преданиям, следовали им и дополняли их.

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно хотя бы в общих чертах воссоздать русское народное предание о первом походе Игоря на греков. Русские народные предания, как о том сообщают «Повесть временных лет» и дополнение, имеющееся в древнерусском переводе Жития Василия Нового, родились со слов воинов, вернувшихся в Киев после похода 941 г. Было ли это предание записано или нет к моменту появления на Руси переводов Жития Василия Нового и Хроники Амартола, нам неизвестно. Однако составители первых русских хронографов, пользовавшиеся Хроникой Амартола и Житием Василия Нового, не просто переписали в эти хронографы сведения о первом походе Игоря, имеющиеся в Хронике и в Житии, но сочли нужным дополнить эти сведения из русских народных преданий (что частично имело место уже при переводе Жития Василия Нового на древнерусский язык) и произвести такие перестановки в тексте Хроники и Жития, которые изменили их до неузнаваемости.

В настоящее время наука располагает не только полным текстом Жития Василия Нового и Хроники Амартола как в греческих подлинниках, так и в древнерусских переводах, но и прекрасными исследованиями о них С. Г. Вилинского¹ и В. М. Истрина.² Поэтому теперь можно если не полностью, то хотя бы в общих чертах воссоздать русское предание о первом походе Игоря.

Итак, на Руси было только два иностранных источника о первом походе Игоря: Хроника Амартола и Житие Василия Нового.

Хроника Амартола входит во все русские сказания о первом походе Игоря, Житие Василия Нового — только в некоторые из них. Так как во все русские источники о первом походе Игоря неизменно входят выдержки из Хроники Амартола, то необходимо проследить историю появления и дальнейшего движения амартоловского рассказа о походе 941 г. в русских источниках. Это было сделано В. М. Истриным, выводы которого, изложенные в многочисленных статьях и монографиях, сводятся к следующему.

Перевод Хроники Амартола на древнерусский язык дает нам так называемый первооригинал Хроники Амартола, который представлен Троицким списком этой хроники.³ Вслед за первооригиналом на Руси появилась так называемая первая редакция Хроники Амартола. Все наши хронографы, летописи и палеи восходят не к первооригиналу Хроники Амартола, а к первой редакции ее. Эта редакция дала материал для «Хронографа по великому изложению», который до нас не дошел, но который восстанавливается с помощью Еллинского летописца второй редакции. «Хронограф по великому изложению» дал материал для ПВЛ первой редакции (половина XI в.). Что касается ПВЛ второй редакции (начало XII в.), то Хроникой Георгия Амартола она пользовалась непосредственно из первой ее редакции, до нас не дошедшей.⁴

Таким образом, сказание о первом походе Игоря «в Еллинском летописце является в более первоначальном виде, а в ПВЛ оно дает уже следующую ступень, будучи исправлено по полной Хронике Георгия Амартола и испытав сокращения и перестановки».⁵

По мысли В. М. Истрина, на Руси было две редакции «Хронографа по великому изложению», различающихся друг от друга присутствием или отсутствием выдержек из Жития Василия Нового.⁶ Тот хронограф, в котором не было выдержек из Жития Василия Нового, дал материал для Хронографической палеи и Н1Л. Тот же «Хронограф по великому изложению», в котором текст Хроники Амартола был осложнен Житием Василия Нового, дал материал для Еллинского летописца второй редакции. Автор же ПВЛ не пользовался непосредственно Житием Василия Нового, а располагал лишь некоторыми выдержками из него.

А. А. Шахматов тоже признавал, что впервые рассказ о походе 941 г. появился в Хронографе, только он считал его болгарским по происхождению. По терминологии В. М. Истрина, это был бы «Хронограф по вели-

¹ С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе, чч. 1—2. Одесса, 1911—1913.

² В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, тт. I—III. Л., 1920—1930.

³ В. М. Истрин. Толковая Палея и Хроника Георгия Амартола. — ИОРЯС, т. XXIX. СПб., 1914, стр. 369.

⁴ В. М. Истрин. 1) Хроника Георгия Амартола..., т. II, стр. 428; 2) Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, стр. 196—198; 3) Очерки истории древнерусской литературы. Л., 1929, стр. 84—91.

⁵ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. 26. Пгр., 1921, стр. 70.

⁶ Там же, стр. 75.

кому изложению» первой редакции, еще не осложненный Житием Василия Нового. Согласно А. А. Шахматову, сообщение Н1Л (а отсюда и основанного на ней, по его воззрению, Начального свода) о походе Игоря взято из этого Хронографа: «Из Хронографа составитель Начального свода узнал о поражении Руси».⁷ Хроникой же «типа Еллинского и Римского летописцев» пользовался автор Киевского Начального свода 1095 г. «Систематические отличия исследуемой летописи (1095 г., — Н. П.) от Повести временных лет обнаруживаются, во-первых, в систематическом опущении всех заимствований из Амартола и его продолжателя. Это тем характернее, что две статьи, заимствованные из греческих хроник (статья о походе Руси на Царьград при царе Михаиле и рассказ о поражении Руси, предпринявшей морской поход при Романе), оказываются, как увидим, взятыми не из Амартола, а из Хроники типа Еллинского и Римского летописцев, причем оттуда же сделаны выписки под 1065 г.»⁸

Что касается автора ПВЛ, то, по А. А. Шахматову, он свой рассказ о походе 941 г. составлял как по Хронике Амартола в пересказе ее Начальным сводом, так и непосредственно по полному тексту Жития Василия Нового.⁹

Следовательно, если В. М. Истрин утверждает, что текст Жития Василия Нового попал в ПВЛ из «Хронографа по великому изложению», создаваемого по Еллинскому летописцу второй редакции, то А. А. Шахматов считает этот текст попавшим в «Повесть» непосредственно из Жития Василия Нового.

Мы видим, что при всей противоречивости своих построений А. А. Шахматов и В. М. Истрин согласны в том, что текст Хронографической палеи в Н1Л о первом походе Игоря является самым древним из всех повествований об этом походе; за ним по времени следует текст, сохранившийся в Еллинском летописце, и наконец рассказ ПВЛ.

В. М. Истрин установил, что «по отношению к этому сказанию (о походе 941 г., — Н. П.) памятники (русские, — Н. П.) разделяются на две группы: 1) Новгородская первая летопись и Хронографические палеи и 2) Лаврентьевско-Ипатьевские списки летописи и Еллинский летописец. Различие между ними состоит в том, что первая группа представляет первую стадию сказания, древнейшую, а вторая группа дает вторую стадию, осложненную уже новым источником, именно Житием Василия Нового».¹⁰

Война 941 г. состояла из двух актов. Первый разыгрался вблизи Константинополя, у Иерона, и закончился первым морским сражением, в котором русские, по-видимому, впервые за всю свою историю столкнулись с греческим огнем; второй проходил в Малой Азии и завершился вторым морским поражением русских.

В Хронике Амартола имеется описание двух этих актов; в Житии Василия Нового первый акт почему-то не описан, и о его существовании вообще можно только догадываться, но зато со всей подробностью описан второй.

Рассказ Н1Л и Хронографической палеи основан исключительно на амартоловском описании первого акта русско-византийской драмы 941 г.

⁷ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 99.

⁸ А. А. Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г. В кн.: А. А. Шахматов (1864—1920). Сборник статей и материалов. М., 1947.

⁹ А. А. Шахматов. 1) О начальном Киевском летописном своде. М., 1897, стр. 152; 2) Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 57—75.

¹⁰ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания, стр. 70.

Создается впечатление, что автор древнейшего хронографа (по Истрину — русского, по Шахматову — болгарского по происхождению), к которому восходят и Хронографическая палея и Н1Л, был твердо убежден, что первый поход Игоря закончился на первом морском сражении, почему он из Хроники Амартола и взял то, что соответствует этому убеждению. Кто бы ни был автором этого текста о походе 941 г., который сохранился в Н1Л и Хронографической палее, ясно только одно, что он пользовался Хроникой Амартола и почему-то взял оттуда только описание первой половины похода 941 г. вместе с первым морским сражением. Тот удивительный факт, что этот автор счел нужным опустить всю вторую половину амартоловского повествования о походе 941 г., не должен оставаться без объяснения.

В Еллинском летописце второй редакции, напротив, есть два акта амартоловского повествования о походе 941 г., но они не являются двумя частями одного и того же похода, а представлены как два самостоятельных похода: из первой половины амартоловского рассказа сделан первый поход Игоря, из второй половины, описывавшей войну в Малой Азии, сделан второй поход. К этим двум походам прибавился еще тот поход Игоря, который греки смогли остановить на Дунае. Так в Еллинском летописце повествуется о трех походах Игоря: одном неудачном, другом полуудачном, третьем — победоносном.¹¹

Создается впечатление, что автор Еллинского летописца второй редакции настолько сильно был убежден, что первый поход Игоря закончился на первом морском сражении у Иерона, что он для объяснения второй половины амартоловского повествования предпочел говорить об особом втором походе Игоря к берегам Малой Азии, нежели допустить, что после решительного морского сражения с греками у Иерона русские удалились не на родину, а к берегам Малой Азии.

Таким образом, и в Еллинском летописце первый поход Игоря оканчивается на первом морском сражении. Эта ошибка автора Хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце, еще не объяснена исследователями.

В ПВЛ вместо трех походов Игоря имеется только два, причем второй поход соответствует третьему походу Хронографа, воссоздаваемого по Еллинскому летописцу. Первый же поход Игоря заканчивается и в ПВЛ на первом морском сражении.

В тексте Хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце второй редакции, в канву амартоловского повествования о первом походе Игоря вплетается текст Жития Василия Нового. Так как в Житии Василия Нового описывается только вторая половина войны 941 г., то мы должны были бы ожидать, что автор древнейшего хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце, будет Житием Василия Нового дополнять вторую половину амартоловского рассказа о походе Игоря. Однако получилось наоборот: Житием Василия Нового была распространена первая половина амартоловского рассказа, словно текст Жития Василия Нового в самом деле относился к событиям, закончившимся на первом морском сражении. Это тоже, пожалуй, одна из самых примечательных ошибок во всем нашем древнем летописании, которая не могла не породить и другие ошибки.

Поскольку Житие Василия Нового описывает события второй половины войны 941 г., то мы видим тщетные усилия автора Хронографа втиснуть события второй половины войны 941 г. в первую: у автора Хронографа

¹¹ В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, т. XXI. Пгр., 1916, кн. 2, стр. 220.

вышло так, что с самого начала войны русские «приидоша на Константинь град начаша воевати гречскую землю и Финичския страны Понту Ираклия и до Пафлогоньские страны и всю Никомидию пленяя».

Второй поход Игоря автором Хронографа сделан из второго акта амартоловского повествования; эта вторая война, по мысли автора Хронографа, развернулась в Вифинии, во время этого похода русские также «Судъ весь пожгоша».

Что же касается автора ПВЛ, то он очень легко уничтожил этот второй поход Игоря, приплюсовав Суд и Вифинию к перечню тех областей, которые якобы подвергались опустошению с самого начала первого похода Игоря: «Иде Игорь на греки и яко послаша Болгаре вестъ ко царю, яко идуць Русь на Царьград скедий 10 тысящъ. Иже и поидоша и приплуша и почаша воевати Вифиньские страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую попленивше, и Судъ весь пожгоша».¹²

Мы видим, что в ПВЛ два акта похода 941 г. подведены не к двум самостоятельным походам, как в Хронографе, воссоздаваемом по Еллинскому летописцу, а лишь к первой половине похода, т. е. из двух актов похода весьма неискусно сделан один, первый.

Следовательно, и автор ПВЛ перекраивает византийские повествования о первом походе Игоря так, чтобы этот поход закончился на первом морском сражении, после которого русские незамедлительно вернулись в Киев.

Итак, все русские источники даже не допускают мысли, что после первого морского сражения могла быть еще какая-нибудь война в Малой Азии. Встреченное же в греческих источниках указание, что в 941 г. война в Малой Азии все-таки была, русские летописцы попытались объяснить как угодно, только не в том смысле, что эта война, тоже закончившаяся морским сражением, произошла после решительного поражения русских в первом морском сражении.

Одни летописцы (Хронографическая паляя, Н1Л и предшествующий им какой-то хронограф) просто откинули все это описание войны в Малой Азии; другие (автор хронографа, сохранившегося в Еллинском летописце второй редакции) сделали из этого описания самостоятельным второй поход Игоря в Малую Азию; третьи (автор ПВЛ) представили дело так, будто бы вся эта война в Малой Азии произошла в начале похода и до решительного и единственного морского сражения.

При сравнении двух групп русских источников о первом походе Игоря между собой оказывается, что, несмотря на различие использованных ими материалов, в них имеется много общего. Если Новгородская летопись и Хронографическая паляя указывают на то, что русские с момента прибытия к Босфору и до решительного морского сражения грабили лишь предместья Константинополя, то Лаврентьевско-Ипатьевские списки летописи и Еллинский летописец повествуют о том, что с момента прибытия к Босфору и до решительного морского сражения русские громили не только предместья Константинополя, но и все побережье Малой Азии.

¹² Ошибка древнейшего летописца, заключающаяся в том, что он, обрабатывая греческие источники, представлял дело так, будто бы Игорь до первого морского сражения повоювал европейские и азиатские области на всем огромном протяжении от Константинополя до Ираклии, была уже давно констатирована пронизательным Н. М. Карамзиным, который, однако, не дал ни малейшего ее объяснения: «Игорь по Нестерову известию опустошил Вифинию и Пафлагонию прежде европейских берегов Востора, но греческие источники все согласно повествуют, что флот его, уже разбитый Феофаном, пристал к берегам Вифинии» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1842, прим. 343).

В этом изображении первоначальных событий похода 941 г. и состоит различие между Н1Л и Хронографической палеей, с одной стороны, и Лаврентьевско-Ипатьевскими списками летописи и Еллинским летописцем — с другой. Последующие события этого похода во всех русских источниках обрисованы с поражающим однообразием: во всех них после первоначальных грабежей и погромов русские вступают в решительное морское сражение с греками и после поражения возвращаются на родину. Следовательно, все русские источники заканчивают войну 941 г. на первом морском сражении, в котором русские впервые встретились с греческим огнем, т. е. на сражении 11 июня 941 г.

Нельзя не отметить противоположности этой схеме схеме похода 941 г. по византийским источникам, согласно которым русские вовсе не громили окрестности Константинополя и после первого морского сражения 11 июня 941 г. направились к берегам Малой Азии, где пробыли до сентября и по возвращении на родину потерпели второе морское поражение. Нижеследующая таблица наглядно показывает все различие между общими схемами первого похода Игоря русских и греческих источников.

Хроника Амартола и Житие Василия Нового	Н1Л и Хроно- графическая палея	Лаврентьевско- Ипатьевские списки летописи и Еллин- ский летописец
<ol style="list-style-type: none"> 1. Русские были встречены у входа в Босфор и после первого морского сражения 11 июня 941 г. отошли в мелководье Малой Азии. 2. На суше в Малой Азии русские были разбиты Вардой Фокой и Куркуасом. 3. После неудач на суше русские решили пробиться морем на родину, но были настигнуты греческим флотом и претерпели второе морское сражение. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Русские, прибыв к Босфору, высадились близ Константинополя и опустошили окрестности столицы. Затем последовало единственное морское сражение с греками, и русские вернулись в Киев. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Русские, прибыв к Босфору, распространили набег на огромное пространство от стен Константинополя до далекой Ираклии Понтийской. Примечание: если Еллинский летописец разгром Вифинии и Суда относит к несуществующему особому второму походу Игоря в Малую Азию, составленному из второй половины амартоловского повествования, то автор ПВЛ, уничтоживший этот особый поход, и Суд и Вифинию относит к числу областей, подвергавшихся якобы разгрому именно до единственного морского сражения. После того как русские пограбили окрестности Константинополя и побережье Малой Азии, произошло единственное морское сражение; затем русские немедленно вернулись в Киев.

Поскольку все русские источники, несмотря на бесспорное пользование Хроникой Георгия Амартола и Житием Василия Нового в древнерусских переводах, дают общую схему похода 941 г., резко отличающуюся от общей схемы этого похода в названных византийских источниках, постольку мы вправе заключить, что в летописных рассказах о походе 941 г., где русские предания странно сочетались с византийскими источниками, несомненной русской частью является именно оригинальная русская схема похода 941 г.

Именно эта русская схема первого похода Игоря является остатком того народного предания об этом походе, которое родилось на Руси после печального возвращения русских на родину.

Эта общая схема похода 941 г., остающаяся неизменной и прочной во всех компилятивных древнерусских памятниках об этом походе, является той основой, по которой распределялось все греческое повествование.

Дело обстоит так, что именно византийские источники дополняют русские предания о первом походе Игоря, а не наоборот: русские предания — византийские повествования. При этом обильное цитирование византийских источников в русских памятниках, конечно, не сможет послужить аргументом против этого вывода, потому что «цитирование византийских хроник не означает подражание им».¹³

Русские летописцы, стремясь втиснуть в форму русской схемы построенное по другой схеме греческое повествование о первом походе Игоря, наделись немало ошибок.¹⁴ Эти ошибки помогают нам уяснить, какое представление о первом походе Игоря было у самих летописцев. Сейчас нам понятен только каркас этого представления — русская схема похода 941 г., обросшая фразами (частью дословно, частью в пересказе) из переводных греческих повествований об этом походе.

Вначале на Руси было только народное предание о первом походе Игоря. Отличительными его признаками являлись:

- 1) утверждение, что русские до решительного морского сражения смогли погромить окрестности Константинополя;
- 2) утверждение, что после решительного и единственного морского сражения русские вернулись в Киев.

Как и почему родилось на Руси такое представление, неизвестно.

Не ясны и причины столь прямолинейного и упорного настаивания всех русских источников на том, что поход 941 г. закончился на первом морском сражении, после которого русские якобы вернулись в Киев. Не ясно также, почему русские летописцы предпочитали говорить об особом походе Игоря в Малую Азию для объяснения второй половины амартоловского повествования о едином походе Игоря на греков в 941 г.; нам не ясно, почему автор ПВЛ предпочел утверждать, что вся эта вторая половина амартоловского повествования о первом походе Игоря, рассказывающая о войне русских в Малой Азии, произошла до первого морского сражения, но не следовать за ясным указанием Хроники Амартола, что она произошла после него.

Все это требует более тщательного изучения первого похода Игоря в целом, которое, возможно, значительно изменит привычную картину этого похода.

Однако мы уже теперь видим, насколько самостоятельными и независимыми были наши древнейшие хронисты при составлении рассказа о первом походе Игоря и с каким упорством и последовательностью отстаивали они свою точку зрения на этот поход.

¹³ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М., 1952, стр. 167.

¹⁴ Н. Я. Половой. Две ошибки древнейшего русского хрониста. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 139—142.